

## ФИЛОСОФИЯ КАК ДИСКУРС

Лесовская Л. В.

*Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия (660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79)*

<http://www.sfu-kras.ru>

---

В предлагаемой статье философия рассматривается не только как профессиональное занятие, а как всеобщая модальность мышления, свойственная человеку как сознательному существу, как «собственно человеческое дело», по выражению М. Хайдеггера. Мыслительная способность человека находит выражение и воплощение в понятийном языке – дискурсе. Обсуждаются особенности философского дискурса, его укоренённость в экзистенциальном опыте и отличии от обыденного языка. Анализируются достоверность философского знания, специфика и значение вопроса в философском дискурсе. Не только академические тексты, но и вузовские учебники по философии иногда не помогают пониманию, а затрудняют его. Рассматривается проблема строгости философского дискурса, а также возможности использования различных средств аргументации, в частности, примеров из реальной жизни и притчи как классики философского жанра.

---

Ключевые слова: дискурс, модальность, язык философии, строгость философии, достоверность, пример, притча.

## THE PHILOSOPHY AS A DISCOURSE

Lesovskaya L. V.

*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia (660041, Krasnoyarsk, avenue of Svobodnij, 79)*

<http://www.sfu-kras.ru/>

---

In this article, the philosophy is not only seen as a professional occupation. The philosophy is considered as a general modality of thinking. This is a characteristic of a person who is conscious subject. Philosophy is the "strictly a human thing" (Heidegger). The thinking man's ability is expressed and incarnated in the discourse which is conceptual language. Features of philosophical discourse and its relation to existential experience and its difference from ordinary language are discussed. The validity, and specificity, and the value of philosophical knowledge is analyzed in the aspect of philosophical discourse. The problem of rigor of philosophical discourse is regarded. In addition, possibilities of using different means of argumentation discussed. Academic texts, as well as textbooks on philosophy sometimes not only do not help, but on the contrary, make it difficult to understand the text. The author has a critical attitude to the use of examples from real life in philosophical discourse, whereas the parable is a classic philosophical genre.

---

Key words: discourse, modality, the language of philosophy, strictness of philosophy, authenticity, an example, the parable.

Вопрос о том, что такое философия, настолько не тривиален, что, хотя со времён Платона и Аристотеля ни один крупный мыслитель не миновал погружения в его глубину, он до сих пор остаётся открытым. Узкая специализация с необходимостью следует за расширением и усложнением круга проблем, входящих в орбиту философии, что делает её безбрежно содержательной, а значит вновь и вновь встаёт вопрос о её статусе.

В школьном варианте «философия» расшифровывается как «любовь к мудрости». Мартин Хайдеггер перевёл это греческое слово более точно и адекватно – как путь, по которому мы идём. Это путь к постижению сущности бытия, его оснований и первых причин. И поскольку этот путь – самое ближайшее к нам, то мы находим его с трудом [8].

Философия родилась и сформировалась из потребности человека понять устройство мира и изначальные причины бытия на разных уровнях организации – от космологического

до психологического, чтобы не потерять ориентир в этом глобальном масштабе и, «если без пятой производной от смысла» (М. Веллер), то можно сказать, что философия – это поиск ответов на главные вопросы жизни. Известно, что всякое определение опасно (А. Камю), т.к. всегда неизбежно неполно. Но оно имеет и сильную сторону, поскольку фиксирует самое главное. Главное в философии (её предмет) – обращение к предельным основаниям вещей, к сущности. Этот инвариант сохраняется на протяжении тысячелетий.

Философию можно представлять и оценивать по-разному: как образ жизни, как профессиональное занятие, т.е. специальное дело немногих, как нечто возвышенное, но недоступное и в целом бесполезное, а также как исходную способность к вопрошанию и сомнению любого нормально мыслящего человека, как всеобщую модальность мышления.

В своём всеобщем содержании философия выходит далеко за пределы профессиональных занятий, что значительно затрудняет маркировку её границ. Любое и каждое явление, попадающее в сферу человеческого сознания, так или иначе, осмысливается, а значит, подвергается синтезированию, обобщению разного уровня в соответствии с организацией своего опыта в формах культуры. Способность человека к такому синтезу лежит в основании мышления вообще и философского мышления в частности. «Философия прирожденна человеку», – настаивал Г. Фихте. По выражению М. Хайдеггера, философия является «подлинной держательницей разума». Философия есть дело разума, а значит, философия есть «собственно человеческое дело. Вопрос о философии – это вопрос о том, что такое человек» [8].

Стараясь понять суть происходящего с собой и с миром, практически все люди втягиваются в силовое поле философии, хотя чаще всего они об этом не догадываются, подобно мольеровскому Журдену, который всю жизнь говорил прозой и не знал об этом. Правда, проза бывает разной, и человек настолько осмысливает свою жизнь во всех её проявлениях, насколько вносит в неё философию.

Фундаментальным признаком человеческой сферы является понятийный язык, речь, слово, дискурс (лат. *discursus* – речь, разговор). Человек рассуждает, повествует, беседует, спорит, вопрошает в словесной форме (что не исключает, конечно, невербальных форм). Но не любая речь имеет характер философского дискурса. Принципиальное отличие философской речи заключается в том, что она саморефлексивна и редуцируется к содержанию предельного понятия. Философская речь – это речь о предельном понятии, она может носить профессиональный (супрематический) характер, а может иметь форму сократовских вопросов, доступную любому человеку.

Профессиональный философский язык специфичен и сложен прежде всего в силу высокого уровня обобщённости и оперирования универсалиями, образующими систему взаимопереходящих понятий со множеством смысловых оттенков. Но при любом формате фило-

софского построения (большое сочинение или беседа за круглым столом) сохраняется сверхзадача – пролить свет на значимую жизненную проблему.

Не отвлекаясь на постмодернистскую тематику и её своеобразные стилистические приёмы, хочу заметить, что нередко встречаются академические философские тексты, напоминающие сплошную полосу препятствий, в них почти не различима нормальная человеческая проблематика. Вот один из них: «Предмет философии определяется... как идеи-истины, а сама философия определяется как познание идей – истин, осуществляемое путём выхода за пределы субъективной объективности как базовой парадигмы к объективной субъективности» [5]. Эту словесную паутину комментировать не имеет смысла.

Не только академические тексты, но и вузовские учебники по философии (нужны ли они вообще – отдельный вопрос) иногда не помогают пониманию, а затрудняют его. В своё время Л. Б. Баженов поставил эксперимент. Он предложил своим студентам прочитать раздел учебника «Онтология: учение о бытии» (20 страниц текста за любое конечное время) и в течение пяти минут изложить своими словами содержание прочитанного. Выполнивший задание получал отличную оценку за весь курс философии. Как оказалось, желающих не нашлось [1]. Автор данной статьи повторил этот эксперимент со студентами-юристами СФУ в 2010 году, используя тексты другого учебника для вузов [4]. Результат был примерно такой же.

Философия настолько укоренена в человеческом опыте (экзистенциальном, интеллектуальном, религиозном, познавательном, бытийном и др.), что её образцы простираются в диапазоне от возвышенного, элитарного, почти недостижимого – до вульгарно-примитивного и даже карикатурного. В одном из своих рассказов Василий Шукшин вывел образ доморощенного горе-философа Глеба Капустина, который очень гордился тем, что мог легко «положить на лопатки» любого противника в споре. Что и сделал однажды с помощью грубых и невежественных суждений с образованным профессионалом. «Срезал!». Рассказ так и называется. В этом же ряду судья из гоголевского «Ревизора», «своим умом» дошедший до решения вопросов всего мироздания, или Фамусов, для которого философствование имеет гастрономический смысл, и много других типажей.

В повседневной жизни философия присутствует в скрытой, латентной форме. Люди, как правило, не задумываются над вопросом о смысле жизни. Но то, что они занимаются конкретным делом – устраивают быт, растят детей, пишут стихи и книги, дружат, враждуют, создают и разрушают ценности – и означает, что они никогда не теряют смысложизненные ориентиры. Люди интуитивно знают и не подвергают сомнению смысл многих понятий (правда, справедливость, добро и др.), но только до тех пор, пока эти понятия не оказываются в плоскости философского дискурса. Св. Августин говорил: я знаю, что такое простран-

ство и время до тех пор, пока меня об этом не спрашивают. Сократ выяснял у полководца, что такое мужество. Военачальник знает о мужестве в пехоте и в коннице, но что такое мужество само по себе он не знает.

Самая типичная жизненная ситуация: поздравляя друг друга с праздниками или семейными датами, люди желают друзьям и близким счастья и исполнения всех планов и желаний, будучи искренне убеждены, что в этом дружеском акте присутствует только доброе начало.

Философский взгляд на эту ситуацию может удивить и даже шокировать: по выражению Ф. М. Достоевского, чтобы жизнь на земле превратилась в сущий ад и стала бы невыносимой, не надо ничего сверхъестественного, надо только одно – чтобы все наши желания сбывались. Призывы усваивать исторические уроки, чтобы не делать впредь грубых ошибок, кажутся настолько логичными и бесспорными, что это даже не обсуждается. А может быть, уроки, извлекаемые из прошлого опыта, и есть гарант новых провалов и даже катастроф?

Лев Шестов утверждал, что «есть вопросы, весь смысл которых в том, что они не допускают ответов». Философия ставит одни и те же вечные вопросы, не только не решая их, но и не подавая надежды на их решение. Философский дискурс всегда принципиально не завершён, он открыт, порождая цепь новых и новых вопросов. Вопрос здесь преобладает над ответом, он важнее и содержательнее ответа, нагружен сомнением и критически интонирован, не содержит в себе указания пути, на котором ответ может быть найден. Поэтому философский дискурс нередко воспринимается «практичными» людьми как бесполезное занятие и даже словоблудие, которое не ведёт к ясному и надёжному знанию. «Надо не философствовать, а делать!» – очень знакомый совет. Но философствование, Слово – и есть дело философии. В философском дискурсе проявляется глубинное творческое начало человека – стремление непрерывно искать способы, пути, возможности самоутверждения в мире. Философствование формирует перманентный импульс к самообразованию, озадачивает, расширяет пространство новых смыслов, повышает культуру мышления, помогает «избавляться от пагубной самонадеянности и претензий на всезнайство» (Ф. Хайек).

Со времён античности и до настоящего времени не теряет остроты вопрос о достоверности философского знания. Разброс оценок и аргументов предельно широк – от противопоставления философии и точного знания (математического) до их полного совпадения. Так, И. В. Гёте, к примеру, разводил их абсолютно, а к философии относился очень сдержанно: «Вся философия есть лишь человеческий рассудок на туманном языке» [3]. Правда, он находил объяснение такой оценке: наблюдатель, естествоиспытатель не может быть терпим к мнению, которое противоречит полученным в опыте результатам, тогда как для философа «нет такого ложного результата, чтобы его нельзя было... так или иначе пустить в ход». При этом

возникает путаница, «грозящая приобрести власть». Но главное – философии «не нужны частности, нужно лишь понимание тех пунктов, где эти частности сходятся».

О математическом знании Гёте рассуждал ещё более критично: точно знают, когда мало знают, по мере роста знания растёт и сомнение.

Другая позиция, максимально сближающая точные науки и философию, представлена более последовательно и объёмно. «Не геометр да не войдёт никто» – было требование над входом в академию Платона, основоположника учения об идеях как первичных сущностях.

Томас Гоббс, излагая основы философии, приходит в итоге к заключению, что «философские рассуждения (*ratiocinatio*), таким образом, сводятся к двум умственным операциям – сложению и вычитанию». Р. Декарт в качестве основополагающей установки новоевропейской философии во избежание неясности и с целью получения достоверного знания полагал, что истина должна иметь математическое выражение. Лейбниц настаивал на невозможности без математики проникнуть в основание метафизики. Спиноза также пытался своим рассуждениям придать математически точный характер.

Позицию, близкую к классикам, разделяют и некоторые наши современники. Академик Б. В. Раушенбах, например, склонен отнести философию к точным наукам на том основании, что она пользуется логическим методом, как и другие точные науки, и такое сближение, по его мнению, повышает авторитет философии [6].

В силу своего экзистенциального, принципиально личностного характера, философия не является точным и достоверным знанием, не поддаётся формализации и выражению в законе, как это имеет место в науке. В философии нет таких результатов и базовых знаний, которые можно было бы усвоить и передать, на которые можно было бы надёжно опереться в расчете на успех конкретного дела. Самое бесполезное и даже вредное занятие – учить философию. (Но – учат! И даже получают отличные оценки). Нет единственно верной, обоснованной и принятой всеми формулы. Философская культура – не сумма заученных положений из учебника, а актуальная способность мыслить, рассуждать и реагировать в соответствии с конкретной ситуацией. Несколько перефразируя блестящего филолога и философа В. В. Бибихина, можно сказать, что философия требует от человека почти невозможного – внимания к ближайшему. Сложное – трудно, простое – много труднее [2].

Не являясь точным и достоверным знанием, философия по-своему строга. Её строгость даже превосходит точность науки. Борис Раушенбах признавался: «Мне вначале казалось, что только точные науки занимаются настоящим делом ... Я раньше считал, что отсутствие точных определений – крупный недостаток. Но потом понял, что отсутствие точных определений ... вовсе не слабость, а наоборот, сильная сторона философии».

Это действительно так. Даже обозначение обычного предмета («стол») содержит обобщение и многозначно в силу того, что это понятие относится ко всей группе предметов мебели с определёнными, приблизительно одинаковыми свойствами. В философский дискурс обязательно вовлекаются понятия более высокого (и даже предельного) уровня обобщения (истина, вера, жизнь, необходимость, любовь и др.), к которым точное и однозначное определение неприменимо.

Строгость философского дискурса означает сосредоточенность на спорном или обсуждаемом тезисе, для чего необходимо уточнить объём исходных понятий, учитывая, что смысл их весьма многозначен. Строгость означает также неукоснительное следование «непредметности» обсуждаемой темы, т.е. обращённость в дискурсе к собственным предельным основаниям, что совсем не просто, поскольку в живую речь постоянно вторгаются произвольные отступления, логические смещения, подмена смысла понятий, а также апелляция к личному опыту и примерам. Все эти софистические вариации незаметно, как по ленте Мёбиуса, уводят обсуждение в сторону от главного тезиса.

В философском дискурсе нередко используются примеры «из жизни» для придания ясности и убедительности рассуждению. Нельзя сказать, что пример в таком контексте совсем неуместен, но он способен надёжно скрыть суть вещей, создавая опасность упрощения, вульгаризации и провоцируя на односторонний подход к сложной проблеме. Пример как аргумент в философском дискурсе малопродуктивен, он «настолько же убедителен, насколько пошл. Этот аргумент всегда легко предъявить, – именно поэтому он по существу ничего не говорит» [7].

Поскольку собственным делом философии является культура сомнения в основательности доводов, доказательств и опытной верифицируемости, то экстраполяция частного (и даже общего) на всеобщее, по выражению В. Библера, есть «запрещённый ход индукции». Философия работает там, где проверка и прямые референции невозможны. Сократические диалоги в изложении Платона блестяще это подтверждают.

Философский дискурс требует трансцендирующего усилия, выводящего за пределы частичных, локальных ситуаций. По словам И. Канта, философское рассуждение – это то, «что не имеет созерцания, на котором оно может быть разрешено», так как оно носит спекулятивный, умозрительный характер. Это движение мысли в системе понятий, не имеющих предметных воплощений. В определённом смысле философия – это культура отстранения и её ценность – скорее в высокой созерцательности, чем в прагматизме инструменталистского толка.

Однако сказанное не означает, что философскому дискурсу вообще чужд иллюстративный материал. Скорее, наоборот, в нём уместны и даже необходимы разнообразные средства

инициации живого и содержательного обсуждения – аналогии, параллели, ассоциации, образы, притчи и т.д. Особенно продуктивной может оказаться притча как классика жанра и как концентрации бесценного многовекового опыта и мудрости. Мартин Бубер определял притчу как «помещение абсолютного в мир вещей». Притча глубоко символична, она – нечто большее, чем любая локальная реальность, она не завершается во времени, сохраняя непогашенную интенциональность и парадоксальность, её смысл всегда современен. При этом притча не содержит никаких наставлений и предписаний, сохраняя лишь намёк на смысловой ориентир. Притча требует личных усилий в освоении и расшифровке содержащегося в ней парадокса, способствуя более глубокому пониманию мира и самого человека.

Мир таков, каким его делают люди. Бремя ответственности за происходящее разделяют все, у нас нет «алиби в бытии» (М. Бахтин). Все философские размышления и усилия вращаются вокруг главной и вечной проблемы: как жить дальше? Эту проблему философия не может решить принципиально – в силу своей природы, но ответ (более или менее удачный) на поставленный вопрос без философии невозможен.

Вначале было, есть и останется всегда – Слово.

#### Список литературы

1. Баженов Л. Б. Рецензия на книгу: Никифоров А. Л. Природа философии. – М.: Идея Пресс, 2001; Вопросы философии. – 2002. – № 1. – С. 185–188.
2. Бибахин В. В. Язык философии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
3. Гёте И. В. Избранные философские произведения. – М., 1964. – С. 350.
4. Ильин В. В. Философия: учебник для вузов [Кн. 1 и 2]. – М.: Академический проект, 2006. – 600 с.
5. Калашян А. Л. Оправдание философии, или философская истина и псевдофилософская ложь // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 99–107.
6. Раушенбах Б. В. Точные науки и науки о человеке // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 110–112.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 116–122.
8. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113–123.

#### Рецензенты:

Васильева Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики КГПУ им. В. П. Астафьева, г. Красноярск.

Круглова Инна Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии ФГБОУ ВПО КрасГАУ, г. Красноярск.